

МНЕНИЯ

Айвар Валеев
aivar@chrbachy.ru

Во власть — по справке из ФСБ

Когда суд счел доказанным факт получения взятки бывшим челябинским вице-губернатором Виктором Тимашовым, многие испытали чувство шока. Как же мог бывший комсомолец, интеллигентный на вид человек, чиновник из команды неворующего Петра Сумина этим заниматься? И даже просто — так себя вести!

Прошло всего пять лет, и положила руку на сердце, мы недолго удивлялись, что сити-менеджера Миасса и бывшего члена регионального политсовета «Единой России» Виктора Ардабьевского обвиняют в заказных убийствах и бандитизме. Мы привлекли к тому, что они — такие.

Признаюсь, мне даже хотелось бы верить, что Виктор Ардабьевский просто попал под горячую руку правоохранителей. Что его оговорили настоящие бандиты, которые сейчас дают показания. Однако менее чем за год у нас под уголовное преследование попало столько чиновников — мэров, депутатов, министров и вице-губернаторов, что из них можно было бы собрать администрацию средней величины города.

А ведь, надо полагать, это не глупые люди и не психи, склонные к асоциальным практикам. Следовательно, в их повседневной профессиональной деятельности такое поведение либо принято, либо не считается слишком зазорным. Вот и бывшие коллеги не спешат клеймить своих соратников. «Единая Россия» не хватается за голову, не думает перетряхивать ряды, не вводит тест на «детекторе лжи» для своих членов. Легкая досада, конечно, есть. Но она не морального свойства. Так досадуют на неумех.

Поскольку моральный климат в чиновном коллективе под вопросом в принципе, то не исключено, что Ардабьевский не последний. МВД официально на своем сайте называет арест чиновника этапом «декриминализации региона». До нас такой формулировки удавалось разве что Приморский край. Там все было настолько плохо, что Москва, не подчинив поляну, просто боялась вливать туда деньги для подготовки к саммиту АТЭС. Следовательно, можно считать это анонсом новых дел. И вскоре мы узнаем имена очередных упрямей и взычтовников из числа пока уважаемых руководителей.

Это все правильно, однако обществу и государству нужно думать, как не пускать во власть таких типов. Ведь вот с Ардабьевским интересная история получается. По данным следствия, у него был совместный бизнес с уголовниками. А почему мы узнаем об этом только сейчас? Если мы возвращаемся к выборам на всех уровнях, то логично было бы ФСБ, например, составлять на каждого кандидата официальную справку. Чтобы мы узнавали те подробности жизни соискателей, о которых они умалчивают. Причем это должен быть не анонимный «слив», но именно что официальная справка, примерно такая, какую выдает, к примеру, БТИ. А народ, исходя из презумпции недоверия, уже пусть решает, нужен в мэрии или в Думе человек с друзьями-бандитами и непонятными зарплатами или нет.

Материалы вкладки «Мнения» отражают исключительно точку зрения их авторов, которая может не совпадать с точкой зрения редакции. Пишите нам по электронному адресу: aivar@chrb.chel.su или обычной почтой: 454091, г. Челябинск, ул. Пушкина, 12, газета «Челябинский рабочий», вкладка «Мнения».

Владимир Боже:

«Чиновник не должен определять содержание творческих процессов»

Владимир Боже занимает особое место в южноуральской культуре. В свое время он, выпускник исторического факультета ЧелГУ, организовал Центр историко-культурного наследия Челябинска. В 2000 году стал «Человеком года». А через какое-то время основатель центра уже не работал его директором и числился научным сотрудником. Затем Боже и вовсе ушел из структуры, которую создал. В последнее время он практически не появляется в СМИ. Что произошло? Краеведа больше не востребованы городами?

Владимир Стейгонович, почему вы занялись краеведением?

Я считаю, что краеведение — база местной культурной традиции. Она формируется, когда люди знают, что здесь, например, творил писатель Туркин, работал художник Русаков или какие-то исторические люди что-то значимое делали, тот же академик Паллас. Так в каждом деле можно выстроить цепочку. Местная культурная традиция позволяет сплотить сообщество, показать, чем мы отличаемся от екатеринбуржцев и каких-то других людей. Мне изначально было ясно, что нужны учебники для школы и энциклопедия для взрослых. Возник у вас как у журналиста вопрос — открыли энциклопедию и посмотрели. А транслировать мифы вместо реальных вещей, как это часто бывало, непродуктивно, они не всегда формируют верное представление о том, что было.

Когда вы начинали, литературы о Челябинске не было. А что, имелась, была...

...идеологической. Говорилось, что до революции Челябинск ничего не представлял, что это был городишко с не очень хорошими местами — публичными домами, трактирами и так далее. Если ничего не было, то откуда взялось в последующем? Культура переходит из чего-то куда-то. В основе ее понимания — обработка земли. И тут — то же самое. Если есть некий побег, значит, у него есть корни. И если ничего не было, то откуда взялось? Что, оно все сюда было привезено? Оказалось, что ничуть не бывало. Город, начиная с XVIII века, играл в истории России заметную роль. Будет движение на Восток и в Исетской провинции, будь то изучение этого края, академические экспедиции, Транссиб и другие дела. Когда начинаешь на это смотреть,

ты понимаешь, что в любое время есть люди, которые сделали что-то позитивное. Что, например, был Николай Михайлович Чернавский, он первым поставил задачу изучения Челябинска, основал челябинский архив. И мне близки его подходы.

Как бы вы сформулировали культурно-исторические корни Челябинска и его особенности?

Челябинск — перекресток Урала и Сибири, Европы и Азии. Тут огромное количество разных культур, огромное число разных народов, которые оказывают свое влияние на жизнь города. Мыследуем все то, что здесь было и через какие-то руки к нам пришло. Один человек другому так сказал, другому передал, и в итоге эта цепочка разные вещи до нас донесла. Вот рядом города Челябинск и Екатеринбург, но ментальность у них разная. Здесь такое отношение, а там — другое. А почему так? Тут соцгород был и там соцгород. Тут областной город и там...

И в чем особенность Челябинска?

Ну, вот пример. Вы слышали, чтобы Челябинск претендовал на центр Урала? А они говорят: мы можем быть столицей. Уровень притязаний у них большой, а у челябинцев нет. Или улицы. Я думаю, что наши улицы прямые и широкие не потому, что Ленгортпроект сам приехал сюда и это сделал, а потому, что здесь откликнулись на

это. А там, несмотря на то, что есть академия архитектуры, все очень сжато: стоит театр, тут такой узенький тротуарчик, улица небольшая. Есть много других отличий. Я не говорю, лучше или хуже. Я хочу сказать, что у нас другое. Когда ты это знаешь, начинаешь больше понимать.

Что из сделанного вам принесло наибольшее удовлетворение?

Планы, которые были, реализовались. Издана энциклопедия, появление этого системного труда говорит о развитии населенного пункта. На уровне Рос-

сегодня сокращается финансирование центра. Я не могу сидеть и ничего не делать

сии признали, что это лучшая городская энциклопедия. Я как составитель вижу море всяких проблем, но первый шаг все равно сделан. Работал над темой школьного дореволюционного мира. Там под тысячу персоналий, очерк и много чего другого. Два тома сделано из трех. Или, допустим, книги «Челябинск неизвестный», это целая библиотека. «Дореволюционный Челябинск в слове современников» — тоже продолжающееся издание. Одна из

Краеведение — база местной культурной традиции. Оно позволяет сплотить сообщество, показать, чем мы отличаемся от жителей других городов

МНЕНИЯ ваше мнение имеет значение

моих тем — история церкви, сейчас я ее практически для себя закрыл. А начал ею заниматься, когда еще ничего не было. «Челябинск неизвестный», другие издания. А сегодня идет сокращение финансирования. Для кого-то это вполне нормальный вариант: он сидит, никого не трогает и его никто не трогает — обычная богадельня...

Наша государственная система отторгает ярких людей.

Бюрократическая система живет по своим законам. Но чиновник не должен определять содержание творческих процессов.

У вас такое было?

Мне в свое время говорили: «А на основании чего вы решили, что надо это издавать?» Я отвечал: «На основании собственного опыта, я этим занимаюсь уже несколько десятилетий». Потом мне сказали: «Надо издавать вот такую книгу». Я отвечаю, что это вчерашний день, ее нельзя издавать. «А почему вы так думаете?» — «Хорошо, я создаю редакционно-издательский совет». Предъявляю книгу профессионалам. Они смотрят и говорят, что низкий уровень, никуда не годится и так далее. Приносим, а там говорят: «А что вы нам это показываете, нам это не нужно». То есть сказали делать — делайте. Издается книга, тратятся деньги, но она не решает тех вопросов, которые должна решать.

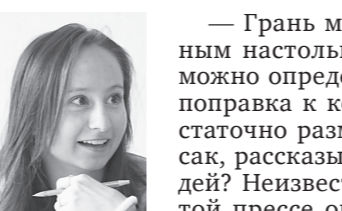
Я знаю, что вы теперь фо-

графируете богомолов и других насекомых...

Да, в Челябинске этим практически никто не занимается. А мне интересно. И сегодня взгляд стал другим. Мы не понимаем, что рядом существуют параллельные миры. Если бы их знали, то так легко бы ко всему не подходили. А мы вырубам пространство, не понимая, что при этом губим целую цивилизацию насекомых. Постепенно от фотографирования насекомых я перешел просто к фотографированию. Стал снимать городские праздники и многое другое. Например, начал фотографировать челябинцев и понял, что у нас в городе и этим никто системно не занимается. Нужна, допустим, нормальная фотография Николая Семеновича Шибаинова, который написал несколько книжек по казачеству, или еще кого-то, тех, кто жил, и тех, кто живет. И у меня такая коллекция растет. Это портреты челябинцев, которые что-то сделали в городе.

Вашей увлеченности можно только позавидовать. А на что вы живете?

Я стал получать пенсию как ликвидатор последствий аварии на Чернобыльской АЭС, работаю по договорам. На ж и з н ь хватает...

Валерия Приходкина, правозащитник

Государство своими поправками в Гражданский кодекс защищает частную жизнь публичных людей. Но дело в том, что то же государство само является субъектом, который вторгается в жизнь обычных граждан. Кто защитит человека, если к нему по надуманному поводу от государственного имени входят в квартиру, прослушивают телефон... Моя общественная деятельность на виду, все мои мысли, взгляды я излагаю открыто, готова к полемике и критике. Но мне претит, когда пытаются лезть в личное. Кстати, считаю, что стемки арестов предполагаемых коррупционеров в бане тоже неэтичны. Тем более, что людей, по сути, клеймят еще до суда.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

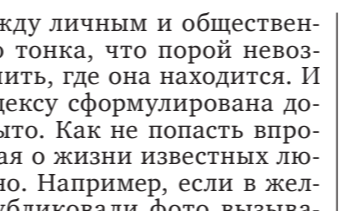
Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Лев Лузин Челябинск lml@chrbachy.ru

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

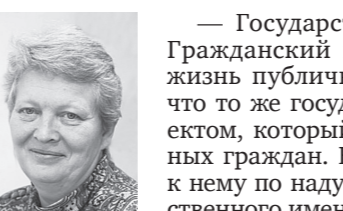
Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Где грань между личным и общественным настолько тонка, что порой невозможно определить, где она находится. И поправка к кодексу сформулирована достаточно размыто. Как не попасть впроцессы о том, что внимание к жизни публичной фигуры тягостно для близких. Но, во-первых, законодательными нормами степень этого внимания не регулировать, а во-вторых, собираясь занять высокий государственный или муниципальный пост, человек должен советовать и с членами семьи: готовы ли они к тому, что их поступки теперь будут очевидны для большого числа людей? На мой взгляд, максимальная прозрачность жизни высокопоставленного человека — наш путь к правовому государству и способ профилактики коррупции.

Валерия Приходкина, правозащитник

Прочитано в блогах

Блогер alelikand — о грядущей зиме в Троицке:

По информации из надежных источников, Троицкая ГРЭС уже поставила в известность администрацию города, что откажется от поставки тепла с 1 января 2015 года.

Это связано с тем, что в конце 2014 года будет введен в эксплуатацию новый энергоблок, который сейчас строится китайской «Первой инженерной компанией». После того как блок заработает на полную мощность, будут переведены на консервацию уже устаревшие и пока еще действующие блоки, которые и поставляют тепло в город.

Понятно, что в такие сроки невозможно решить проблему оттопления строительства котельных или каким-либо иным способом, и возникает опасность, что 80-тысячный город останется без теплоснабжения.

Троицк — все?

Троицк — все?

Блогер voliomas читает с ребенком Пушкина:

Задали ребенку выучить две строфы из стихотворения Пушкина «Осень». Ну которая «Унылая пора! Очей очарованье!» Он послушал их в моем исполнении да как заорет:

— Не буду я это учить! Я ничего тут не понимаю!

— Сдержанно: — Чего ты тут не понимаешь? Вот давай сначала. Унылая пора — что такое?

— Не знаю!

— Ну, унылая — значит

грустная. А пора — это... отрезок времени. Вот осень — это пора, понял?

— Нет!

— Так, давай дальше. Очи — это значит глаза. Вот очки — знаешь? Очарованье — нравится, значит. Стоит Пушкин, смотрит на осенний лес и радуется ему. Понятно? И говорит: приятна мне твоя прощальная краса. Почему прощальная?

— Не знаю!

— Да потому, что кончится скоро! Кончается осень! Зима настает, а осень кончается! Что непонятно!

Дальше я ему в таком же духе объяснил, что такое «пышное увяданье», «барщ» и «золото». Дошел до «в их сенях».

— Сени, — ору, — это в избе, как заходишь в двери, то не сразу в комнату попадаешь, а...

Стоп, думаю, какая изба? Откуда изба? Это ж типа кров...

— Вот, — говорю потише, — видишь, слово это в учебнике выделено. Знают, оно в словаре есть. Давай посмотрим. Посмотрели:

СЕНИ — в деревенских избах и в старину в городских домах помещение между жилой частью дома и крыльцом.

— Нет, — говорю, — тут что-то не то написано. Это не те сени.

— Вот! — торжествует ребенок. — Ты тоже ничего не понимаешь.

— И что теперь? Не учить, что ли?

— Нет.

На том и порешили.

актуальная почта

Вам нужны 1,5 миллиона рублей?

Тайны, загадки, мистика сейчас в моде. Я же люблю журналы, где невообразимо перемешаны события, герои, злодеи, исторические личности, разговоры, войны, победы и поражения, странные явления, необычайные способности... От повседневности уходите моментально!

Недавно купила в киоске один из весьма интересных журналов. Видимо, там же, где верстался журнал, к нему прикрепили яркую рекламку. На ней две напедикюрные стопы (похоже, мужские) в сандалях — на фоне белого песочка и бескрайней сини. А главное, надпись: «Она получила 1500000 рублей! Кто следующий?»

Вот это да! Оказывается, что реклама — это билет с номером 37458. Надо всего-то стереть три защитные полоски, чтобы попытаться под ними найти такой же номер. Если номера совпадут, то «Откройте сейф! 1500000

Журнал, кстати, довольно интересный. Жаль, что издательница думает, что для его продажи обязательно нужны такие ухищрения. Причем не просто хитрость, а откровенная нечестность. Такое время.

Позвонить по бесплатному телефону, конечно, можно. Может быть, даже заявится SMS-переписка. Так сказать, радость общения. Оплатите эту радость, естественно, вы.

Анна Дмитриева Челябинск

Лев Лузин Челябинск lml@chrbachy.ru